

Екатерина Максимова и Владимир Васильев в церкви...

«Какое вы имеете право!» — нет, он доказывал что-то. Или мы его убеждали. Эти отношения мы продолжали и вне репетиции. И вдруг оказалось, что когда на художественной коллегии предлагают высказываться, то надо кричать «гип-гип ура! гениально!» А мы привыкли говорить, что думаем, независимо от того, в чей адрес. Тут-то и возникли всякие трещины. Любопытный однажды разговор был. Васильев, как-то выступая на каком-то собрании, сказал, что художественный руководитель должен ходить на классы, смотреть все входы, все знать, интересоваться театром, жить его жизнью, посвящая ему всего себя. Григорович спросил: «Вы видели когда-нибудь такого хорошего руководителя? Мо-

жет, еще и имя назовете?» Тогда Володя ответил ему: «Это вы, Юрий Николаевич, когда пришли в театр». — Грустно, что вы не в Большом? — Честно говоря, грустно мне было давно. Сразу. А потом я поняла, что это — счастье. Я поняла, что мы бы так и сидели, мы бы так и были привязаны и бегали, если что, как гимназисты, отпрашиваться... А тут — свобода! И я сделала так много — если бы мы в Большом остались, мы бы столько никогда не сделали.

Патриоты

— Но ведь вы могли и совсем уехать? Проблем ведь не было — в профессиональном смысле? — Не было. Когда заканчивались зарубежные гастроли, там

удивлялись: «Вы обратно? С ума сошли!» Но самое смешное, что это же говорили и здесь после каждого возвращения. — А вы не уехали? Почему? Не из-за этого же вида из окна? — Из-за этого! То есть не в буквальном смысле, но — из-за этого. Не смогла бы я там жить. У меня много друзей там, я безумно люблю Францию, Италию, с удовольствием езжу туда и с удовольствием возвращаюсь в Москву. Тянет меня домой — и все. — То есть это ваше, Екатерина Сергеевна, решение? — Когда нам предлагали остаться, мы только смеялись. Я даже не могу припомнить, чтобы мы обсуждали когда-либо это всерьез, чтобы кто-то кого-то уговаривал.

ФОТО: ЕЛЕНА ФЕТИСОВА.

Окончание. Начало интервью на стр. 13.

Я никогда в жизни, — говорит Екатерина Максимова, — ни одного спектакля не просила, а когда что-то предлагают, сразу говорю: «Нет-нет-нет!» Помню, когда пришел Лавровский и сказал, что я буду репетировать Жизель с Галиной Сергеевной Улановой, — это был ужас: «Прийти к Улановой! Да еще на репетицию! Я же ничего не умею, просто на ногах не стою. Куда бы убежать, скрыться?» И на первой репетиции была как во сне, одно думала: «Вот если меня выгонят, то только тогда будет слава Богу...» И позже, когда уже все, кажется, станцевала, на любой звонок-предложение следовал отказ — мои парижские друзья так и называют меня: мадам Нет... Хорошо, что меня всегда уговаривали «попробовать» (на это я соглашалась); хорошо, что вокруг меня были люди, которые верили в меня больше, чем я сама.

— Васильев, он другой? — Он — другой. Он знает, чего хочет. И если что-то захотел, то будет добиваться этой цели, даже если не все гладко. Меня на каждой ступеньке надо подталкивать, а Васильев, если не может одолеть ступеньку сразу, не бросает дела, не отчаивается, а смотрит, с какой стороны лучше — но обязательно взберется.

Тарелок не жалко. Просто так воспитана

— Екатерина Сергеевна, очень трудно сказать «Максимова» и не добавить «и Васильев» — и наоборот. Вас это радует? Что так все сложилось. Вы счастливы?

— Да, я рада, что так сложилась жизнь. Конечно, не все так просто. Конечно, могло быть и по-другому. Знаете, как бывает — могли идти по разным сторонам улицы, могли родиться в другие годы... — Вам случалось мужа ревновать?

— Да.
— Вы это показывали? Или просто себя переживали?

— Жизнь долгая — всякое бывало.

— Ссорились? Вам хотелось его побить?

— Побить — нет. Бывало больно, иногда обидно, но никогда не возникало желания бросить в него тарелку.

— Тарелку, я так понимаю, не жалко.

— Нет, конечно. Это, наверное, зависит от... не знаю... от воспитания, может. А ссориться — ссорились. Потом мирились. Мало ли какие бывают ситуации, какое настроение.

Что-то говоришь, и в пылу кажется, что да, все так. А потом жизнь что-то расставляет по своим местам. Наверное, что-то такое было, что важнее всего. Если бы этого не было, так, наверное, давно бы разошлись.

— Кто хозяйством занимается? — Когда праздник, когда много народу, мы с мамой. А вообще — мама. Слава Богу, что ей хватает сил. На рынок чаще Володя ездит. А в магазины — я. — Вы машину сами водите? — Сама. И машину вожу сама. И в очереди стою сама. — Без очереди не пропускают? — Мы же не кинозвезды. Васильева как-то еще узнают, меня — очень редко (больше в Петербурге). Подходят стесняясь, тронут за рукав: «Простите, пожалуйста. Вы Максимова?»

— И вы говорите «нет»? — Я говорю: «Да». «Как, — восклицают, — вы в магазине? В очереди!» Сейчас хоть проше стало. Зато времени меньше. Когда я танцевала, было свободное время. А сейчас, когда стала преподавать, ни дня свободного, ни полдня — ничего.

Тираны

— У вас хорошие ученики? — Они забирают все мои силы и все мое время; и я к ним привыкла. Приросла. (Тем более что уже есть какие-то результаты.) Бывает, я куда-то уезжаю — и мне беспокойно, я начинаю думать, как они там, что они покинутые и брошенные... И они к этому так же относятся. Когда я прихожу и говорю, что мне надо уехать на неделю-две, и вижу их глаза, я начинаю чувствовать себя виноватой, чуть ли не преступницей, которая бросает своих детей.

— Тираны? — Да, они относятся к этому так: я должна, я обязана. Хотя если бы этого не было, я бы, наверное, их совсем бросила: тяжело. Когда я танцевала, я отвечала только за себя. А здесь — как за всех ответить? — А почему вы ушли в репетиторство?

— Мне уже не хочется танцевать. А когда кончается одна творческая жизнь, начинается другая. Кто-то пишет книжку. Кто-то окунается в просто жизнь: идет на кухню, воспитывает внуков — и находит в этом удовлетворение. Меня потянуло в педагогику.

Везучая

— У вас, наверное, у самой были хорошие учителя.

— Я сейчас, бывает, занимаюсь с ребятами, делаю что-то, а сама иногда думаю: «Нет, она сказала бы мне, что я неправильно поступаю». У меня были удивительные педагоги. От Бога. И очень хорошие профессионалы. Это откуда-то, я считаю, было ниспослано.

— Вы верите в судьбу? — Я часто говорю: «Мне повезло». Мне повезло, потому что так могло не быть. Елизавета Павловна Гердт могла не взять наш класс. Я могла бы не встретиться с Раисой Степановной Стручковой — и тогда бы точно закончила танце-

вать лет на десять раньше. Уланова могла выбрать не меня, но случилось такое стечение обстоятельств, что я пришла в театр, а она заканчивала карьеру. Она ведь никогда не преподавала, ей предложили: «Возьмите себе любую балерину, хотите — именитую, хотите — из молодых...» Она решила взять молодую. А ведь могло быть по-другому. Меня мог не заметить Голейзовский, мы могли не встретиться с Бежаром. Григоровича могли не взять в Москву, и он бы не поставил в Большом «Каменный цветок» в расчете на молодых... — И не «выставил» бы вас потом из Большого... Извините за грубое слово. А правда, что это случилось в ваше отсутствие?

...и дома с Морисом Бежаром.

Катя на кухне...

— Да. Мы где-то были, а когда вернулись, то оказалось, что была какая-то коллегия, где мы не прошли по конкурсу. Какому конкурсу? Где? Когда?..

Да, нам повезло, что наше становление пришлось на пик творческого подъема Юрия Николаевича Григоровича. «Каменный цветок» — это новое слово, новое прочтение. И «Спартак», и «Шелкунчик» — безумное счастье было в них танцевать.

— Тем горше было уходить? — Это не сразу случилось, не вдруг. Несколько лет длилось. Мы не собирались делать ему какое-то зло. Просто мы продолжали сложившиеся взаимоотношения: при постановках на репетициях мы ведь много спорили. Не ссорились, а спорили, и он никогда не воспринимал это как крамолу. Я ведь упрямая. Если мне кажется, что здесь что-то не так, меня надо убедить. Он же не говорил мне: «Заткнись, дура!» или

Как они стали «литовцами»

— И все-таки вы получили второе гражданство, стали «литовцами». Мы в предыдущем номере обещали рассказать, как это случилось.

— Васильев поставил в Вильнюсе «Ромео и Джульетта», потом — «Дон Кихота». Спектакли прошли с огромным успехом. После второй премьеры собралось все руководство республики, президент, премьер-министр, говорили слова: какое, мол, счастье, что вы приезжаете. Мы, мол, считаем вас своими. Я возьми и скажи: «Все так говорят». — «Нет, если вы действительно хотите...» — «Действительно». — «К сожалению, надо написать заявление». Мы и написали... — И литовские паспорта вы уже получили?

— Нет еще. В другой раз, наверное.

Эдуард РАССОХИН.

...и в любимом уголке гостиной.